

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Никонова С.Б. — Многополярный мир и спор о ценностных приоритетах. Обзор XXI Международных Лихачевских научных чтений // Философия и культура. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.8.43697
EDN: WSVODN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43697

Многополярный мир и спор о ценностных приоритетах. Обзор XXI Международных Лихачевских научных чтений

Никонова Светлана Борисовна

доктор философских наук

профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

192238, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

✉ laresia@yandex.ru

[Статья из рубрики "Конференция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.8.43697

EDN:

WSVODN

Дата направления статьи в редакцию:

02-08-2023

Аннотация: В данной статье читателям представлен анализ некоторых проблем, ставших центром дискуссии на прошедших в мае 2023 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов XXI Международных Лихачевских научных чтениях. Чтения прошли под общим названием «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире», объединив традиционную тему диалога с возникшей в последние годы проблематикой конфликта. Настоящий обзор концентрирует внимание на двух существенных проблемах, одна из которых определила ход пленарной дискуссии, а другая стала основной для секционного заседания, посвященного ценностным ориентирам и тенденциям современного мира. Основным вопросом пленарного заседания стало рассмотрение конфликта между однополярным и многополярным миром. По этому вопросу активно высказывались как отечественные, так и иностранные участники. Выступившие на Чтениях докладчики придерживались идеи приоритета ценностей многополярного мира, указывая на недемократичность однополярности. Анализируя этот аспект обсуждения, автор обзора замечает, что в современном обществе одни и те же ценностные установки развиваются до тех пределов, где приводят к противоположным выводам. Из идеи однополярности следует единственность демократической модели. Из идеи

многополярности - множество различных сценариев развития, что выглядит более демократической позицией. Можно сделать вывод, что ценностная установка совпадает, основой же идеологического конфликта является конфликт политический. Тем не менее итоговое ценностное расхождение является очень острым. Этому была посвящена философско-культурологическая секция конференции. Отмечая резкость высказываемой докладчиками в адрес «новой этики» и «культуры отмены» критики, автор обзора указывает, что в этой критике присутствует желание «отменить» критикуемое, что снова объединяет обе позиции, но не предоставляет почвы для конструктивного диалога. Для преодоления противоречия необходимым является рациональный анализ идейных и исторических оснований, а также динамики развития противостоящих друг другу ценностных позиций.

Ключевые слова:

Лихачевские чтения, Диалог культур, Политические конфликты, Однополярность и многополярность, Ценности, Современная культура, Этика, Идеология, Новая этика, Ценностный конфликт

В конце мая 2023 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов по давно сложившейся традиции прошло очередное заседание форума «Международные Лихачевские научные чтения». Как всегда форум был довольно представительным, собрал в себе участников из разных городов и стран, посетивших его как лично, так и присоединившихся в онлайн-формате. И также по уже сложившейся традиции представляем читателям журнала «Философия и культура» небольшой обзор, содержащий рефлексию по поводу этого мероприятия.

Многие годы тематика данного форума была посвящена вопросу о диалоге и партнерстве между культурами, но уже второй год в названии форума доминирует слово «конфликт». Интересно проследить динамику изменения тематики Чтений начиная с 1993 года, когда академиком Д. С. Лихачевым совместно с ректором СПбГУП А. С. Запесоцким было впервые инициировано проведение подобного мероприятия, позже получившего имя Д. С. Лихачева. Главной темой Чтений было обсуждение сферы гуманитарных знаний, гуманитарной культуры, гуманитарного образования и его роли в развитии российского общества. По сути дела, обращение к гуманитарному знанию и к тщательному изучению вопросов культурологии было связано с новыми процессами в отечественной политической сфере, ее либерализацией, обращением к интересам человека, к важности индивидуальных и культурных различий. Это стало возможным в условиях перестройки общественной жизни и ценностной сферы, осуществленной в 1990-е годы. Также важной составляющей с начала 2000-х годов стало изучение и популяризация творческого наследия историка, литературоведа, культуролога Д. С. Лихачева.

В конце 2000-х годов основной темой Чтений стал диалог культур, на повестку дня вышел вопрос о глобализации. Именно глобализация, по сути, и была основанием обращения к единому систематическому изучению процессов в культуре. Россия вступила в глобальное пространство, неумолимо втягивающее в свое интенсивное общение весь мир. Но можно предположить, что тематика глобализации и возможности диалога стала основной не случайно. Это произошло в тот момент, когда она выявила свои внутренние проблемы и противоречия, стала вызывать серьезные вопросы, требующие начать поиск тех путей развития, которые бы могли стать наиболее плодотворными для всех участников этого процесса. С 2015 года несколько заседаний

прошли под знаком обсуждения новых глобальных вызовов в противостоянии национальным интересам, что показывает обострение возникших противоречий. Возник вопрос об очерчивании контуров будущего, о путях мирового развития в складывающихся новых условиях. Наконец в последние два года, после пандемии, тематика приобрела новый характер и в центре оказался глобальный конфликт. Из чего можно сделать вывод, что те проблемы, которые лишь намечались пару десятилетий назад и подвергались обсуждению, не были решены, хоть и были обозначены. Напротив, они достигли конфликтной стадии обостренности. Имеющаяся в современном мире ситуация не случайна, не является сбоем или результатом пагубных решений конкретных людей, но была чем-то закономерно развивавшимся, что можно было предвидеть, но чего не удалось избежать.

Тем не менее, если Чтения 2022 года полностью проходили под знаком конфликта, то в 2023 году появилась надежда на сравнение и рефлексии. Основная тема XXI Международных Лихачевских научных чтений, была обозначена как *«Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире»*. Чтения состоялись 25-26 мая 2023 года. В первый день конференции прошло общее пленарное заседание, на второй день дискуссия разделилась на ряд секций. Секция 1 носила название *«Переход от однополярности к реальной многополярности: проблемы новой геополитики»*; секция 2 – *«Традиционные ценности человечества или «новая этика» Запада? (идеологии, ценности, нормы, нравственность в судьбе современного мира)»*; секция 3 – *«Экономика в контексте глобальных перемен»*; секция 4 – *«Россия в глобальном мире: новый этап истории»*; Секция 5 – *«Российское образование на новом рубеже эпох (диалектика прошлого и будущего). Что нужно России»*; секция 6 – *«Право, ценности и нравственность в условиях современных глобальных трансформаций»*. Секции заседали параллельно. Автор обзора был непосредственным участником Секции 2. Таким образом в настоящем обзоре основное внимание будет уделено проблемам, обсуждавшимся на пленарном заседании и на второй секции, посвященной философскому, культурологическому и этическому осмыслению мировоззренческих трансформаций, происходящих в современном мире.

Конфликт № 1: многополярный мир или мир однополярный? (Пленарное заседание)

Пленарное заседание Чтений было посвящено политической дискуссии. Основной темой, которая обсуждалась, была идея многополярности и критика однополярного мироустройства. По сути дела, в рамках Чтений «дискуссии» в качестве противостояния мнений не было, и не могло быть, поскольку в целом все участники были согласны между собой, расходясь только в акцентах и нюансах трактовок и предложений. Основной пафос обсуждения был направлен против не представленной на Чтениях позиции. И дело не в какой-либо ограниченности приема заявок, а во внутренней конфликтности современного общества. Общественные настроения раскололись до такой степени, что представители противоположных позиций, фактически, просто не могут быть представлены на одном мероприятии. Произошла радикальная поляризация общественных настроений. Носители противоположных убеждений не собираются в едином пространстве для их обсуждения, не считают это допустимым, таким образом, возможность диалога противоположных позиций поставлена под вопрос.

В российском обществе и в российском политическом дискурсе превалирует идея многополярности, и именно она была основой обсуждения, состоявшегося на Лихачевских чтениях, и поддерживалась всеми их участниками, как отечественными, так и иностранными.

Это также можно определить как черту, характеризующую текущую ситуацию. В прошлом году дискуссия на пленарном заседании Чтений в большей мере касалась текущих политических вопросов, критики конкретных политических действий, в первую очередь – действий западных стран, а также существенным образом затрагивался вопрос о необходимости сформулировать идейные ориентиры. В этот раз дискуссия была в большей мере мировоззренческой, и идея многополярного мира выступала в качестве позитивной альтернативы имеющимся конфликтогенным процессам.

Однополярный мир представляет собой единую систему, в том числе и идеологическую, соответствующую политико-экономической глобализации, произведенной за последние столетия странами Запада, при безусловном доминировании западной системы ценностей как в морали, так и в политике. Таким образом, Запад мыслит себя центром однополярного мира, в перспективе современных политических реалий, лидером его представляют себя Соединенные Штаты Америки, претендующие на контроль над ценностной системой всего человечества. Однополярность – это, в первую очередь, однополярность мировоззренческая, и очевидный переход к ней произошел после распада Советского Союза, однако подспудно этот переход был подготовлен гораздо раньше, поскольку в основаниях советской системы уже лежали принципы, разработанные западным миром. Универсализация культуры, по сути, была осуществлена в результате успехов (научных, политических, экономических, художественных, военных и т.п.) развития европейской цивилизации уже в XIX в. Причем основанием универсализации стала не только экономическая и политическая колонизация различных территорий мира западными странами, но и просвещение, диалогизм, внедрение гуманитарных принципов, разработка западной мыслью системы гуманитарного знания – возможно даже в большей мере, чем эффективность естественно-научных достижений. Возможно, именно по этой причине западная политика универсализации имела такой успех и, в конечном счете, эта система ценностей была воспринята во многом добровольно и с энтузиазмом. Тем не менее, в современных условиях проявились негативные политические следствия этой сложившейся системы. Ведь именно западная система ценностей утверждает в качестве доминанты многообразие, толерантность к разным способам жизни, демократизм. И именно эти приоритеты, фактически, должны были бы служить препятствием для установления однополярного политического господства. В некотором смысле многополярность является следствием этих ценностей! Но в какой-то момент становится очевидным, что эти ценности используются для установления жесткого политического контроля. В этот самый момент и выходит на повестку дня противостояние ценностной многополярности и политической однополярности. И конфликт полностью переходит на уровень реальной политики.

Весьма резкую формулировку этого преобразования дал в своем докладе швейцарский участник Чтений, Президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» Г. Меттан: «В заключение можно сказать, что Запад практикует то, что я называю *пандемократизмом*, то есть тоталитарное видение, вооруженную демократию, которая используется для распространения имперской гегемонии Запада на весь мир. *Пандемократизм* не имеет ничего общего с демократией, но имеет отношение к ее использованию в качестве инструмента в достижении геополитических целей... *Пандемократизм* делает вид, что благоволит демократии на уровне национальных государств, но, как ни странно, запрещает ее на наднациональном уровне, навязывая диктаторскую модель управления миром под видом демократии. В этом смысле он представляет собой полную противоположность многополярному миру, который предполагает наднациональное демократическое управление планетой как необходимое

условие свободы и суверенитета народов и государств» [\[1, 9-10\]](#).

Таким образом, исследователь фиксирует противоречивость требования сторонников однополярности: по сути дела, ставя в центр ценностной иерархии демократический способ мироустройства, западный мир настаивает на совершенно недемократической системе реальной мировой организации.

Если вдуматься, то данная противоречивость совсем не нова, можно сказать, она логически прослеживается еще с древних времен, и сходную проблему мы можем увидеть в противоречии между античной политикой, основанной на демократии и политической раздробленности, многообразии сосуществующих полисов, и античной метафизикой, последовательно проводящей идею поиска единого первоначала-архэ, что привело в итоге к падению демократии, объединению в единую империю и созданию универсальной мировой системы с монотеистической религией единого трансцендентного Бога. Можно предположить, что в такой перспективе достоинства и недостатки разных сторон этого противоречия уже не могут казаться столь однозначными.

В целом, сторонники идеи однополярности часто ссылаются на тот факт, что политическая многополярность – это путь к анархии, к непрерывному конфликту и войне. Потому, фактически, они выступают за идею единого порядка, а значит, единой империи. При этом «имперские» амбиции, выдвигаемые другими государственными и ценностными системами, естественно, оцениваются как препятствующие этому порядку, а следовательно, подлежащие осуждению и уничтожению. Такова логика всех строителей империй.

Тем интереснее тот факт, что на многополярности настаивают не только внутренние критики западной политической системы, такие как Г. Меттан и другие иностранные участники Чтений, а также и многие критически настроенные западные мыслители, но и представители государств, несогласных с навязыванием им западного типа демократической формы правления. Но по сути дела, высказываемое ими рациональное требование состоит в том, чтобы их право на политическое самоопределение (к примеру, оставаться диктатурой) было воспринято как их культурное своеобразие и самобытное волеизъявление, а их возможные «имперские» амбиции были признаны как равные допустимые цели борьбы геополитических субъектов. Это абсолютно демократическое требование. То есть «демократический» западный мир настаивает на недемократической однополярности и гегемонии одной системы, а противостоящий ему «не-демократический» традиционный мир – на демократической многополярности. В итоге создается впечатление, что межгосударственные отношения с внутригосударственными идеологиями находятся примерно в той же степени «совместимости», что физические процессы на уровнях макро- и микромира, описываемые современной наукой.

В конечном счете, ввиду противоречивости требований борьба переходит на уровень утверждения своей позиции как позиции «добра» в борьбе с чужой позицией как со «злом», из чего и следует радикальная поляризация политических идеологий и их носителей. Между тем высказываемые ценности с обеих сторон, по сути, удерживаются в одних и тех же рамках. Например, можно вслушаться в слова еще одного швейцарского участника конференции, Президента Международного научно-исследовательского института мира в Женеве, выступающего с резкой критикой западной политики и приветствующего идею многополярного мира, Г. Галиса: «Все мы должны защищать наши народы, объединяться против любой империи, строить по-настоящему демократическую Европу» [\[2, 11\]](#). Едва ли в ценностном плане представитель хоть одной из сторон конфликта мог бы с этими словами не согласиться. Соглашаться с ними или нет

– зависит от того, на чьей стороне оказывается тот, кто их произнес, с точки зрения оценивающего: на стороне «добра» или на стороне «зла». Как же «добро» и «зло» могут быть настолько относительны?..

Конфликт № 2: новая этика или традиционные ценности (секционное заседание)

Итак, мы могли видеть, что, хотя политический конфликт налицо, относительно ценностного конфликта могут возникнуть некоторые вопросы. Тем важнее обратиться к той сфере, в которой этот конфликт и противостояние очевиднее всего. Именно расколу современного мирового сообщества в сфере ценностей было посвящено заседание секции, призвавшей участников к философской и этико-культурологической дискуссии.

Заседание секции вели директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук А. А. Гусейнов и первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре, кандидат социологических наук, заслуженная артистка РСФСР Е. Г. Драпеко. В кратком вступительном слове А. А. Гусейнов напомнил собравшимся о том, что ценности не возникают случайно, и призвал всех, кто осмысливает данную проблему, к большой ответственности в этом вопросе.

Общий фон дискуссии был определен обсуждением острого и крайне актуального для современной ситуации конфликта, в последнее время достигшего уровня исключительной напряженности, выявившего до определенного момента бывшие не столь явными противоречия. Это конфликт между новыми этическими тенденциями в западном мире и сторонниками традиционных ценностей.

Мнения докладчиков в целом разделились на три позиции. Были те, кто, следуя призыву А. А. Гусейнова, в первую очередь пытался осмыслить основания возникновения и развития западных этических тенденций – так называемой «новой этики» и следующей за ней «культуры отмены». Были те, кто большее внимание уделял анализу традиционных ценностей. И были те, кто посвятил себя критике «новой этики» и разбору ее негативного влияния на человечество. Уровень эмоциональности выступлений показывал, что затронутая проблема очень живо волнует и тревожит всех выступающих.

Можно сказать, что именно эмоциональный фон здесь был ключевым фактором разворачивания дискуссии. Но часто повышенная душевная вовлеченность может оказаться препятствием для рационального анализа проблемы.

Эмоциональный заряд высказываний большинства участников в качестве примера можно проиллюстрировать словами из доклада доктора культурологии, профессора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов А. П. Маркова: «Новая этика... превращается в институт этической деградации и активной атрофии нравственного инстинкта. Она становится проектом самоапокалипсиса, сценарием рукотворной эсхатологической трагедии...» [\[3, 6\]](#). В целом большая часть выступающих была согласна с этой позицией. Причем можно предположить, что столь резкая оценка в моральном плане вызвана не столько имеющимся политическим противостоянием, о котором мы говорили в предыдущем параграфе, и о котором шла речь на пленарном заседании, а именно глубинным неприятием предлагаемых «новой этикой» ценностей, искренним ужасом перед этими нововведениями. Но в этом смысле можно прийти к любопытному выводу о том, что неприятие «однополярного» диктата скорее является следствием усиления новой этической повестки, а не, наоборот, повестка отвергается из-за политического несогласия. Таким образом, более мощную антипропаганду гегемонии

Запада, чем внедрение данных ценностный ориентиров, для отечественной аудитории трудно себе даже представить. Однако итогом этого эмоционального отторжения является то, что вместе с пугающей западной повесткой совершается попытка отбросить или отказаться признавать те западные ценности, которые до возникновения «новой этики» рассматривались крайне положительно. В этом есть свой резон, потому что если обратиться к исследованию причин формирования новых ценностных рядов, к примеру, «культуры отмены», то можно увидеть, каким образом они довольно естественно логически вытекают из развития структуры самого либерально-демократического западного проекта. А стало быть, если нам не нравятся следствия, то мы, казалось бы, должны отказаться и от причин?

И вот здесь возникает загвоздка, поскольку от этих самых «причин» на самом деле мало кто готов отказаться, а может быть, это и вовсе невозможно сделать. Наиболее последовательны в этом вопросе традиционалисты, призывающие вернуться к до-модернистским временам, отказавшись от всех ценностей европейского модерна. Традиционалистское движение на данный момент достаточно сильно развито в России, но не менее сильны эти тенденции и по всему миру. Мало того, это достаточно давние идеи, связанные с внутренней самокритикой европейской культуры. В качестве одного из наиболее выдающихся примеров можно привести критику М. Хайдеггером всей истории западной мысли после досократиков, то есть начиная с обращения к метафизике. Одним из самых радикальных примером является анархо-примитивизм в стиле американского философа Дж. Зерзана [\[4\]](#), полагающего, что человечество пошло по неверному пути, ведущему к имеющимся в современном обществе неразрешимым конфликтам, уже начиная с перехода от собирательства и охоты к сельскому хозяйству, которое обрекло его на постоянный тяжелый труд, связанный с накоплением запасов, неравномерным распределением ресурсов и социальным неравенством (словом, Зерзан призывает вернуться к первобытному состоянию, всю историю цивилизации считая ошибкой, и он не одинок в этом призыве). Ну а мыслителей, полагающих, что «поворот не туда» связан с развитием западно-европейской культуры, с ее механицизмом, субъективизмом, релятивизмом, огромное количество как в самой Западной Европе, так и за ее пределами. Однако, как мы видим, между традиционалистами нет согласия относительно того, к какому этапу развития культуры следует вернуться. Так, например, между докладчиками данной секции тоже возник спор: стоит ли традиционные истоки российской культуры искать в православном прошлом Древней Руси или же в дохристианские времена?

Но надо признать, что даже в уже процитированном докладе ярко выраженного традиционалиста А. П. Маркова призыв к моральной ответственности человека, дающей ему способность выйти из состояния кризиса (докладчик говорит: «Ресурсом выхода из кризиса являются безграничные возможности человека, который в «пограничных» ситуациях истории всегда являл высокую планку моральной ответственности, спасая мир от нисхождения в бездны насилия»), сопровождается ссылкой на немецкого мыслителя-экзистенциалиста К. Ясперса [\[3, 6-7\]](#).

В целом большинство докладов явственно демонстрировало, что именно выработанные европейским модерном ценности свободы, равенства, братства, личности, баланса между личным и общественным, экзистенциальной ответственности, диалога, уважения к другому, а главное, возможности рационального анализа, являются тем прибежищем, в котором только и можно искать спасения. Основная критика, направленная на «новую этику» состоит, по сути дела, в том, что «новая этика» производит отказ от этих прекрасных гуманистических ценностей.

Здесь можно вспомнить некоторые идеи Д. С. Лихачева, утверждавшего, что «русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе» [5, 32]. В этой цитате мыслитель, чьим именем названы прошедшие Чтения, ясно дает понять, где, по его мнению, следует искать русские традиционные ценности: это та самая христианская традиция, которая не противопоставляет, а соединяет нас с Европой, и все европейские ценностные ряды связаны именно с этим источником. Главную черту и главную культуросозидающую силу христианской религии Лихачев видит в том, что здесь Бог стал личностью. А главный источник культурных сбоев, источник «зла» он находит в гипертрофированном развитии одного из перечисленных трех начал в противовес другим. Эти периоды гипертрофии и дисбаланса можно легко обнаружить как в российской, так и в европейской истории, но они не означают, что сами эти основы или какие-то из них, показывающие в тот или иной период времени негативные результаты своего развития, должны быть «отменены». Как верно заметил в ходе свободной дискуссии один из докладчиков, зеркальный ответ на «культуру отмены» сам по себе является опасным шагом. Очень верным в контексте этого хода мысли было наблюдение, сделанное старшим преподавателем кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидатом философских наук Е. М. Гашковой, также полагающей, что ценности России и Запада по сути своей совпадают: культура отмены, в первую очередь, направлена на отмену исторической памяти, отказ от исторического мышления [6]. А ведь именно оно было характерной чертой европейской цивилизации, позволившей ей воспринять опыт разных культур и, благодаря этому, стать на долгое время центром всех мировых процессов!

В целом, вопрос о том, какие именно ценности являются традиционными для русской культуры, безусловно, является спорным, потому что русская культура крайне богата и имеет большую историю, а также, сталкивалась в течение этой истории с большим количеством влияний, вступала в большое количество контактов и, можно сказать, находилась на пересечении множества культурных процессов. Спор западников и славянофилов хорошо выражает эту столетиями не решаемую проблему. Но это означает лишь то, что при выстраивании ценностных приоритетов мы никак не можем быть поверхностными или односторонними и не должны повиноваться связанным с текущими политическими ситуациями порывам.

Главное, что хотелось бы сохранить, и что, в пылу конфликта, все чаще теряется за идеологическими и политическими противостояниями современного мира, это уважение к различию точек зрения и способность к здоровой рациональной дискуссии. Является ли это принадлежностью древней традиции или же итогом модернизации и либерализации сознания, в любом случае, это именно то, что, возможно, позволило бы нам выйти из состояния кризиса и отказаться от тенденции превращать образ своего врага в воплощение «зла», к чему сейчас часто склоняются все стороны конфликта.

Библиография

1. Меттан Г. Пандемократизм и крах западных ценностей // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире. XXI Международные Лихачевские научные чтения 25–26 июня 2023 года. СПб.: СПбГУП, 2023. URL: https://www.lihachev.ru/chten/2023/plen/Guy_Mettan_Pandemocratism_and_the_Collapse_of_Western_Values_ru_1905.pdf (Дата обращения: 15.07.2023)
2. Галис Г. К большой свободной континентальной Европе // Диалоги и конфликты

культур в меняющемся мире. // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире. XXI Международные Лихачевские научные чтения 25–26 июня 2023 года. СПб.: СПбГУП, 2023. URL: https://www.lihachev.ru/chten/2023/plen/Gabriel_Galice_Towards_The_Large_Europe_April_2023_0106_ru.pdf (Дата обращения: 15.07.2023)

3. Марков А.П. «Новая этика» как глобальный проект культурной регрессии // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире. XXI Международные Лихачевские научные чтения 25–26 июня 2023 года. СПб.: СПбГУП, 2023. URL: https://www.lihachev.ru/chten/2023/sec2/Markov_AP_Novaya_etika_kak_globalnii_proekt_0906.pdf (Дата обращения: 15.07.2023)
4. Зерзан Дж. Первобытный человек будущего. / сост. пер. с англ. и примеч. А. Шеховцова. – М.: Гилея, 2007. – 223 с.
5. Лихачев Д.С. Русский исторический опыт и европейская культура // Д. С. Лихачев. Раздумья о России. – М.: Logos, 1999. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pazdumia_o_ros/003.pdf (Дата обращения: 18.06.2023)
6. Гашкова Е.М. «Культура отмены» как механизм искажения исторической и культурной памяти // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире. XXI Международные Лихачевские научные чтения 25–26 июня 2023 года. СПб.: СПбГУП, 2023. URL: https://www.lihachev.ru/chten/2023/sec2/Gashkova_EM_Kultura_otmeni_kak_mekhanizm_iskazheniya_2605.pdf (Дата обращения: 15.07.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования представленного обзора стала тематика пленарного заседания и секции 2 – «Традиционные ценности человечества или “новая этика” Запада? (идеологии, ценности, нормы, нравственность в судьбе современного мира)» XXI Международных Лихачевских научных чтений. В заголовке статьи предмет исследования представлен согласованием ключевых тем («Многополярный мир и спор о ценностных приоритетах») с указанием объекта обзора — XXI Международных Лихачевских научных чтений.

Предварительно автор охарактеризовал в общих чертах объект исследования, дав краткую историческую справку о Международных Лихачевских научных чтениях в контексте эволюции общей проблематики конференции с 1993 г. от обсуждения роли гуманитарного знания в развитии российского общества к глобальным проблемам культурного диалога, которые в последние годы характеризуются обострившимся цивилизационным конфликтом. Автор выбирает жанр аналитического обзора, который как правило отличается ограничением предмета исследования выборкой отдельных докладов по степени их теоретической значимости, определяемой автором (в обзорах научных форумов распространены также тематические или систематические обзоры, отличающиеся объемом предмета исследования). Так из 36-ти пленарных докладов автор акцентирует внимание на 2-х (Г. Меттана и Г. Галиса), а также выделяет 2 доклада секции из 27-ми (А. П. Маркова и Е. М. Гашковой).

Отметив, что в пленарной части «основной пафос обсуждения был направлен против не представленной на Чтениях позиции», автор поясняет такое положение вещей высшей

степенью раскола общественных настроений, когда «представители противоположных позиций, фактически, просто не могут быть представлены на одном мероприятии». Это, по его мнению, является свидетельством «внутренней конфликтности современного общества», расколотого вопросом принятия/непринятия концепций многополярного или однополярного мира и не способного даже гипотетически признать возможность продуктивной дискуссии теоретиков различных позиций. По мысли автора, засвидетельствованный раскол представляет собой конфликт политического уровня, обусловивший единодушие участников конференции в жесткой непримиримой критике «однополярности». Пытаясь же дать оценку противоположным геополитическим тенденциям, автор отмечает, что ««демократический» западный мир настаивает на недемократической однополярности и гегемонии одной системы, а противостоящий ему «не-демократический» традиционный мир – на демократической многополярности. В итоге создается впечатление, что межгосударственные отношения с внутригосударственными идеологиями находятся примерно в той же степени «совместимости», что физические процессы на уровнях макро- и микромира, описываемые современной наукой». Безусловно, в данном случае речь идет не о прямом изоморфизме естественного и социального, а о метафоре, раскрывающей совокупность непреодолимых противоречий каждой из непримиримых позиций. Но поскольку XXI Международные Лихачевские научные чтения объединили сторонников многополярности, авторские обобщения касаются, прежде всего, разнообразия позиций именно этого лагеря, вскрывая его эпистемологическую (а следовательно, и политическую) неоднородность.

Касаясь освещения секционного заседания, посвященного крайне острой проблеме ценностной определенности, автор акцентирует внимание читателя на конфликте наиболее глубинного уровня между «новой этикой» и «традиционными ценностями». Обобщая мнения участников конференции, автор отмечает, что ««новая этика» производит отказ от ... гуманистических ценностей» европейского модернизма, в то время как с различных позиций выход из сложившегося кризиса видится в различных направлениях, что не снижает градуса поляризации мнений, отразившегося в эмоциональном накале выступлений участников. Отмеченный автором доклад Е. М. Гашковой ««Культура отмены» как механизм искажения исторической и культурной памяти» демонстрирует невозможность симметричного ответа взявшим на вооружение подобный механизм оппонентам, поскольку на деле «культура отмены» означает отмену исторически выработанного принципа культурного развития. В этом смысле «культура отмены» существенно ограничивает культурное развитие инициировавшего этот механизм общества. С этим тезисом, растиражированном во многих докладах секции, трудно спорить. Акцент на докладе Е. М. Гашковой, по всей вероятности, связан с попыткой автора согласовать конфликтность политического и ценностного уровней. Вместе с тем, рецензент отмечает, что на секционном заседании предпринималась не отмеченная автором попытка именно культурологической оценки причинности «новой этики», связанной с феноменом «культуры отмены» в докладе Т. И. Ерохиной ««Культура отмены» в контексте «новой этики»»: докладчик, в частности, коснулся вопроса более глубинных оснований отрицания исторической и культурной памяти, которые присущи постиндустриальным обществам, к каким относится и современное российское общество. Доклад Т. И. Ерохиной наталкивает на мысль, что большинство современных гуманитарных вызовов обусловлено тотальной информатизацией общественной жизни. «Новая этика» как и «культура отмены» в этом смысле может рассматриваться не как медийный проект тотальной цензуры, а как социальная рефлексия, которая существенным образом трансформирует любое слабо управляемое социокультурное пространство. Такой аспект вскрывает пагубность реактивной культурной политики,

нацеленной лишь на преодоление уже сложившейся ситуации, и крайнюю необходимость концентрации ресурсов и усилий на выработке проактивной ценностно определенной и идеологически устойчивой политики, рассчитанной не на реакцию на какие-либо постоянно множасьщиеся внешние вызовы и угрозы, а на целерациональное управление перспективным развитием.

В итоговом выводе, автор вполне уместно отмечает, что стороны описанного им конфликта имеют и одно общее фундаментальное основание: они сгруппированы вокруг стремления превратить «образ своего врага в воплощение "зла"», от чего призывает отказаться. С этим рецензент солидарен в полной мере будучи убежден, что: 1) только идея некоего врага может быть столь монолитной и единообразной, как транслируется с обеих сторон, что свидетельствует лишь о яростной попытке консолидироваться вокруг вымышленного жупела; 2) за вымышленным бугименом, как правило, скрываются реальные и более важные проблемы, на решении которых необходима концентрация усилий теоретиков и практиков, а не на раздувании образа врага; 3) в «новой этике», если присмотреться, нет ничего нового, поэтому противопоставление её некоей системе «традиционных ценностей» вскрывает ложную теоретическую посылку: на деле не существует на века законсервированной традиции (это идеологический миф), любая традиция сильна способностью обновляться за счет новаций, а новации жизненны лишь в той мере, в какой развивают традиции.

Предмет исследования, таким образом, раскрыт автором в достаточной мере.

Методология исследования построена на обобщении представленных на пленарном и секционном заседаниях XXI Международных Лихачевских научных чтений путем аналитического обзора.

Актуальность обзора обусловлена необходимостью привлечь внимание научной общественности к результатам состоявшегося в конце мая 2023 г. в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов мероприятия.

Научная новизна, состоящая в авторской оценке результатов XXI Международных Лихачевских научных чтений, не вызывает сомнений.

Стиль выдержан научный. Структура статьи обусловлена жанром аналитического обзора научного мероприятия.

Библиография, учитывая аналитический характер обзора, приемлема на минимальном уровне; оформлена без значительных нарушений требований редакции.

Апелляция к оппонентам вполне уместна и корректна.

Представленный обзор, без сомнений, будет интересен для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и рекомендуется к публикации.